

Фриц Перлз - с чего началась гештальт-терапия

Галина Зайцева (журнал «ЛИЛИТ» 06/2001, Рига)

Есть люди, которым классический психоанализ помочь не в силах. Чтобы проходить анализ, надо уметь размышлять о себе и терпеть боль, которая при этом возникает. Кому-то не дано первое. Некоторым не под силу второе. Думать они готовы, но малейшее психологическое страдание повергает их в шок, личность буквально распадается на части. Скажем так – они сами – и есть та болезнь, от которой психоанализ, как метод, излечивает. Хватает и тех, кто в глубинном анализе не нуждается. Им требуется "скорая аналитическая помощь", чтобы в ситуации разобраться и выкарабкаться из глубокой ямы, где они пребывают. Спасительную руку помощи в этих случаях народу протягивает "гештальт-терапия".

Con Fritz Perls Grupo de Gestalt en Esalen 1963

Гештальт в переводе с немецкого означает "образ", некий процесс создание прямо на наших глазах из неясной отвлеченной абстракции вполне конкретного понятия. Романтичные и сентиментальные немцы создали целое направление в психологии под этим названием, чтобы помечтать - ах, как было бы хорошо жить сегодняшним днем, без сожалений о прошлом и тревоги о будущем, в мире с самим собой. Они старательно объясняли, почему человеку это никак не удастся. Фриц Перлз придумал, как этого добиться и назвал свое учение "гештальт – терапией".

Фриц Перлз был не простым во всех отношениях – с раннего детства он отличался взрывным и тяжелым характером, не влезал ни в какие рамки, не мог ни учиться, ни жить, а жить ему, разумеется, очень хотелось. И при этом не страдать, не набивать себе шишки абсолютно обо все углы. Есть такие люди, которые не в состоянии выйти через раскрытую дверь – обязательно врежутся плечом в косяк, им не под силу рассчитать, ни свои размеры, ни скорость движения, ни диаметр "входного отверстия". Именно таким "ходячим несчастьем" и родился Фриц Перлз.

Без тормозов

Как-то в детстве Фриц забрался в кабинет отца и украл золотые монеты, предназначенные в приданое одной из его сестер. На все деньги он купил редкие марки и подарил знакомому мальчику, чтобы завоевать его

расположение. Он всю жизнь был готов на любое безрассудство, лишь бы его любили. Кража быстро раскрылась. Он бежал из дома, прятался по чердакам и подвалам, голодал, а когда вернулся домой, отец собрал всех многочисленных родственников на семейный совет и заявил: "Так и быть, я тебя прощу, но никогда не забуду того, что ты сделал." Об этом своеобразном "прощении" Перлз помнил всю жизнь.

В школе дела шли еще хуже, чем дома. Мама решила сделать из единственного сына гения и отдала его в престижное заведение с армейской дисциплиной. Фритц был не в состоянии смиренно высидеть урок и запомнить объяснение учителя, хотя то, до чего он додумывался сам, было куда проще и остроумнее всех шаблонных решений. Он возмущался, почему вместо отличной оценки за сообразительность ему ставят двойку за невнимательность. О каждой плохой отметке руководство школы письменно сообщало по почте родителям. Те устраивали безобразные скандалы с рукоприкладством. В итоге Фритц начал перехватывать почту и выбрасывать официальные уведомления. Вскоре жульничество раскрылось. Мама гонялась за ним по квартире с палкой для выбивания ковров, которая была единственным средством повлиять на неуправляемого ребенка. Фритц изловчился, запер родную мамочку в комнате и выбил матовое стекло в двери, чтобы безнаказанно кривляться и строить рожи. Мамочка осыпала его в ответ угрозами, но никак не могла протиснуться через узкое, в осколках, пространство. Читая про семейные отношения в доме Перлзов, невольно вспоминаешь анекдот: "Знаете, чем еврейская мама отличается от арабского террориста? С террористом иногда можно договориться".

Фритц остался на второй год в седьмом классе, вторично провалился на экзамене и его выгнали из школы. Впоследствии его выгоняли настолько часто и из такого количества хороших мест, что он научился влезать в окно, когда его выставляли через дверь. Или сбегать первым, пока решение избавиться от него еще только зрело в чьем-то сознании.

Родители его не понимали, хотя, по правде говоря, понять такое создание было трудно. Но они его даже и не любили. Последнее мучило Перлза всю жизнь. И всю жизнь он пытался рассказать людям всю, самую интимную и неприглядную правду о себе и требовал, чтобы его за это не отвергали, а полюбили. Он обожал шокировать публику каким-либо демонстративным признанием - родная сестра погибла в концлагере – а ему и не особо ее жалко. Ну не нравилась она ему никогда, и все. Многие друзья называли эту черту "патологической откровенностью".

Так дальше жить нельзя

Вместо учебы он попытался работать в лавке и одновременно – иронизировать над интеллектуальной ограниченностью хозяина. Его и из лавки выгнали. Трудовая жизнь в четырнадцать лет не удалась. Пришлось собраться с силами и поступить в другую, более либеральную школу. Аттестат он получил. Как человек умный и даже более того, талантливый, он мог на время зажать себя в кулак, и действовать целенаправленно, не вступая в конфликт с обществом. Но надолго его не хватало.

Выйдя из подросткового возраста все с теми же подростковыми проблемами, Перлз понял, что либо окончит жизнь самоубийством, либо

попадет в тюрьму, либо разберется, что же с ним происходит, и поступил на медицинский факультет, где изучал психиатрию.

Во время первой мировой он служил военным врачом. Как ни странно, на войне ему было легче, чем в мирной жизни. Никто не требовал от него, чтобы он "хорошо себя вел". Когда во время бомбежки он вытаскивал раненных из-под обломков поезда со снарядами, всем было глубоко наплевать, как он при этом ругался. Все равно он заслужил свой "железный крест" за героизм.

В двадцатые годы, он вернулся в медицину и в надежде на спасение обратился к психоанализу. За несколько месяцев сменил четырех психоаналитиков. Он не мог удержаться в процессе психоанализа. Он требовал от психотерапевта, чтобы тот или та любили его, как любовника и родного сына, и ценили, как лучшего друга, приходил в ярость, когда не получал желаемого тепла, поощрения, интимности. Он до смерти обиделся на знаменитую Карен Хорни, которая отказалась проводить анализ бесплатно, которая когда он в очередной раз сидел без работы и сказала: "Нет денег – нет анализа."

Поскольку жить без психотерапии он не мог, то нашел для себя прекрасный выход – женился на Лоре Познер, психотерапевте и просто хорошей женщине из богатой, благополучной семьи. Она всю жизнь была ему не только подругой и женой, но и личным аналитиком.

Совсем мистическая история

В 1933 году один из благодарных пациентов подарил Перлзу ценную антикварную японскую статуэтку - моногаму, что-то вроде маленькой ящерицы. И в жизни Перлза началась черная полоса. Когда резко ухудшилась политическая ситуация в Германии, Перлз одним из первых понял, что пора бежать, пока не схватили. Но убедить Лору и ее родителей в необходимости немедленного отъезда ему не удалось. Они все еще на что-то надеялись и предпочитали ждать перемен к лучшему.

Перлз в одиночестве перебрался в Голландию, взяв с Лоры обещание последовать за ним. Несколько месяцев он маялся в тревоге за судьбу жены и маленькой дочери. Завел любовницу для успокоения нервов сексом, как частенько поступал всю жизнь. Наконец дождался приезда Лоры с ребенком. Втроем они ютились в комнате без отопления, где замерзала вода в стакане. Ценная мебель и книги, которые они надеялись выгодно продать, пострадали во время перевозки. У Лоры был выкидыш, после которого она впала в депрессию. Перлз чувствовал, что в Европе дело добром не кончится, и хотел оказаться от нее как можно дальше. Пытался уехать в США, но денег на переезд не нашлось. Друзья в будущую войну не верили, предлагали обжиться в безопасной с их точки зрения Голландии, раздражая своей близорукостью беспечностью. Он не спал ночами, думая, как уберечь себя и семью от наступающих черных времен. Вдобавок его начала преследовать ненасытная голландская любовница, с которой он порвал еще до приезда жены.

И ему пришла в голову фантастическая мысль – подарить дорогостоящую японскую ящерку, последнюю ценную вещь, оставшуюся в семье, своей сварливой бывшей пассии. Через несколько недель ту выгнал из дома без денег и вещей до сих пор все терпеливо переносивший богатый муж. А положение Перлзов волшебным образом изменилось – будто с них сняли заклятие. Они получили приглашение на аналитическую работу в Южной Африке и беспроцентную ссуду на дорогу и въезд в страну.

В течение года Перлз открыл Южно-Африканский институт психоанализа, построил себе дом в роскошном районе с теннисным кортом, бассейном и кучей слуг, у него родился здоровенький и крепкий малыш. Затем он научился управлять самолетом и получил права летчика-любителя, а на зиму залил около дома обширный каток, где мог величественно скользить по льду в гордом одиночестве. Все его юношеские мечты осуществились. Именно в покое и достатке Южной Африки он начал превращаться из посредственного психоаналитика в выдающегося **гештальт-терапевта**.

Он никогда не верил в Бога, открыто выступал против всех религий, признавая только дзен-буддизм, за то, что там как такового Бога нет. Он верил только в то, что можно проанализировать, потрогать и взвесить. Но с некоторым вызовом рассказывал про японскую ящерицу, унесшую с собою его несчастья, – был такой факт, и оспорить его реальность невозможно.

Незавершенный гештальт

Еще в Германии Перлз грезил о личной встрече с Фрейдом. Годами он мечтал, как сверкнет алмазами разума и глубиной познаний перед светлыми глазами Фрейда, укажет на некоторые теоретические ошибки метра, и они мирно побеседуют, как гений с гением, сидя рядком. К 1936 году он почувствовал себя созревшим для знакомства и за штурвалом личного самолета преодолел 2000 миль, чтобы присутствовать на психоаналитической конференции в Европе.

Через знакомых договорился о личной встрече с Фрейдом. Долго ждал в прихожей. Наконец дверь в комнату Фрейда приоткрылась и "сам" показался на пороге. "Я приехал из Южной Африки, чтобы сделать доклад и увидеть вас." – с трепетом сказал Перлз. "Ну и когда вы уезжаете?" - вежливо спросил Фрейд. Ни одна из заранее отрепетированных фраз не сорвалась с уст оробевшего Перлза, ничего, кроме стандартной болтовни о достоинствах климата в разных странах. Через четыре минуты дверь в кабинет захлопнулась. Они навеки расстались. После чего сын Фрейда был откомандирован пригласить гостя "куда-нибудь" на обед, "где-то" там они молча съели необыкновенно вкусного запеченного гуся. В доме Фрейд Перлза обедать не оставили – не произвел впечатления.

Теория "незавершенных ситуаций" – одно из лучших созданий Перлза. Дольше всего мы помним то, что не закончили. Любое завершение ситуации, будь то неудача или величайший успех, оставляет событие в прошлом. Любое "не завершение" заставляет нас тащить событие за собой в будущее, упорно пытаться вновь и вновь пережить его в надежде довести до логического конца. Если бы Перлз не смутился и за обедом ужасно разругал теорию сексуальности Фрейда, старик бы на него обиделся, и они разошлись – все, пьеса разыграна до конца. Осталось только воспоминание. Если бы Фрейд услышал мнение Перлза и оценил его острый ум, Перлз был бы счастлив несколько дней, и возможно забыл об этом еще быстрее. Но на самом деле они встретились – а дальше – ничего, сплошной вопрос. Могло быть так или иначе, какая мучительная незавершенность! И всю жизнь Перлз вел мысленные диалоги и споры с Фрейдом, что-то ему доказывал и страдал от упущенных возможностей.

Если ты в юности не сказала своему папе, что он тебе осточертел со своими поучениями, придется всю жизнь повторять это тем, кто исполняет роль отца – скорее всего – начальству. Папа тебя бы простил. Начальник – вовсе не "отец родной", и потому ты не понимаешь, почему вместо повышения тебе

грозит увольнение, хоть с работой ты справляешься не хуже других. И гордо говоришь, будто тебя преследуют "за правдолюбие".

Нам свойственно подстраивать сегодняшнюю ситуацию под ту, которую мы не завершили много лет назад. Получается нечто ужасное – мы живете не здесь и не сейчас, а в собственном, давно ушедшем прошлом. И одна из удачных находок Перлза как раз и позволяет человеку расстаться с прошлым, разыграв вчерашнюю ситуацию сегодня в своеобразном театре из участников терапевтической группы и ее руководителя. Ты через много лет заявляешь своему папочке: "Отстань от меня, наконец!" И сам, исполняя роль папы, огрызаешься, предъявляешь претензии, упрекаешь, одним словом - реагируешь. Вы говорите ему все, что давно мечтала сказать, и напряжение уходит – ситуация завершена. Вы – свободны. Вы вернулись в настоящее.

Примиришься с собою

Основа гештальта – действие, своеобразная игра, сценки, которые пациенты разыгрывают, примеряя к себе разные роли и разные чувства. Та игра, про которую говорят, что это - наша жизнь. Работа с пациентом (или как говорят гештальтисты – с клиентом) проходит не в глубинах подсознания, как при психоанализе, а на границе соприкосновения нашего пространства с окружающим миром.

У нас внутри есть части личности, которые мы терпеть не можем. Например, в каждом живет "удачник" и "неудачник", "красавица" и "уродина". Мы любим в себе красавицу и отвергаем уродину. Уродина обижается и начинает брать вверх, подстраивать всякие козни для красавицы. Наша часть начинает себя вести как отдельная личность, причем – одержимая бесами. И вот на вечеринке, где особенно важно выглядеть хорошо, ты цепляешься колготками за стул или проливаешь на платье кетчуп. Уродина злорадствует – она победила. Ты в слезах уходишь домой и недоумеваешь, отчего всякий раз с тобой такое происходит. Выход один – полюбить свою некрасивую половину. Дать ей шанс выглядеть скверно. Показаться в обществе без косметики. Одеть удобные туфли без каблуков и не бояться быть "колченогой". Гулять под дождем, и черт с ней, с прической.

Отдельные части нашей личности складываются в одно целое. И вместо "красавицы" и "уродины" мы получаем "потрясающую девушку". Это и есть настоящая "ты". Методики гештальт-терапии позволяют осознавая отдельные враждебные кусочки вернуть целостность личности. При этом гештальт-терапевт прекрасно понимает, какие процессы происходят в твоей душе и дает им проявиться через твои чувства и поведение. Поэтому накал страстей на занятиях групп по гештальту бывает близок к взрыву.

Переспать - еще не повод для знакомства

Все последние годы жизни Перлз жил в общине своих последователей в Калифорнии, в Эзелени. В Америку он перебрался в 1946 году, когда ему стало психологически тесно в Южной Африке. Разрешения на работу психоаналитика в США он не получил, потому что не хотел целый год работать, "как школьник", под наблюдением какого-то рядового психиатра. Перлз обошел эту проблему в своем лучшем стиле, используя священный американский принцип

свободы слова – лечить без разрешения нельзя, а нести свою мудрость народу можно, вот я и буду теоретиком – проповедником.

Он пришел в восторг от ЛСД, движения хиппи и сексуальной революции. Секс для него с юности был способом убежать от проблем и получить эмоциональную разрядку, и ничего более. Он вносил в это занятие весьма мало личного, и часто удивлялся, почему многие женщины, с которыми он как-то переспал, лезут к нему "с отношениями". Для него пределом интимности являлась дружба, открытость, а вовсе не контакт тел. Он платонически влюблялся в своих докторш-психоаналитиков, и спал в Калифорнии с пациентками.

Как-то его позвали в группу, где проходило очередное занятие по гештальту, чтобы успокоить девушку, которая дала выход эмоциям, вошла в раж и всерьез избивала всех подряд. Никто не мог ее удержать. Она набросилась на вошедшего Перлса и попыталась протаранить его головой. В ответ тут же на полу он овладел ею. Вскочив, она вновь принялась колотить своего терапевта. Он во второй раз взял ее, а потом сказал: "Ни одна сука в жизни меня так сильно не избивала". Тогда она обняла Перлза и нежно прошептала: "Фритц, я люблю тебя." И тем не менее ни ей, ни Перлзу, ни остальным участникам группы не приходило в голову, что случилось нечто, выходящее за рамки терапевтического процесса. Между прочим, Перлзу, экспромтом совершившему два сексуальных подвига подряд, было уже хорошо за шестьдесят.

Не надо толкать реку. Она течет сама

Перлз наслаждался игрой в "грязного старикашку" и "гуру". Именно в терпимые и сумасшедшие шестидесятые он достиг полного примирения с самим собой и превратился из "паршивой овцы" психоанализа в личность харизматическую и блестящую, которой прощали то, что не простили бы никому другому. Он добился своего – все знали, какой он на самом деле - настоящий сатир, вспыльчивый, неукротимый и непоследовательный, но все равно любили и восхищались им.

В молодости ему причиняла боль способность быстро понимать причины поступков людей и тут же сообщать им об этом, получая в ответ обиды и ненависть. Ну кому из учителей понравится, если ему сказать, что он завидует молодости и таланту ученика. Какой тесть перенесет откровенный анализ его ревнивой неприязни к мужу любимой дочери, да еще из уст самого зятя! С годами умение чувствовать другого отточилось до совершенства, и к нему присоединились способности терпеть боль, держать язык за зубами и использовать сверхчувствование для работы с людьми. Наконец-то пригодились и юношеское стремление писать стихи и дар художника, и взрывной темперамент. В старости он нокаутировал скандального и драчливого пациента, задиравшего гостей на его калифорнийской вилле.

Сатир есть сатир

Он до конца жизни не признавал теорию сексуальности Фрейда, но сам был ее живым и ярким подтверждением. Его сексуальный инстинкт не пропускался через призму сознания, а реализовывался тут же, сразу, на уровне ниже пояса. Он спал без разбору с женщинами, мужчинами, пациентками, когда

никто не подворачивался – занимался сам собою, о чем честно писал в воспоминаниях. Энергии у Перлза хватало с избытком, ума – тоже, но вот совместить две эти черты не очень-то получалось.

Свои теоретические труды Перлз чаще всего создавал в соавторстве с женой и крепко держался за нее всю жизнь - время от времени она прятала все сексуальные объекты вне пределов досягаемости и подсовывала ему интересную теорию, раскладывала по научным полочкам поток его сознания. Тогда он мог плодотворно работать. Для него вся жизнь была сродни сеансу на психоаналитической кушетке – сплошной поток неконтролируемых ассоциаций и эмоций с проблесками таланта. Будь он, скажем так, психологически устойчивее, мы бы имели талантливого коммерсанта или невролога, но практическая гештальт-терапия ему в ясную голову средю бы не пришла.

Перлз бы не был собою, не назови он прекрасную и грустную книгу о себе, ни много ни мало, как "Внутри и вне помойного ведра." По тональности она перекликается со стихами Марины Цветаевой. где есть пронзительно-нежные строки "А еще любите меня за то, что я – умру." За год до смерти, в 1969 году он написал:

*Я должен так делать,
Хотя умираю от страха.
Лучше пройти через это
С надеждой, что возможно я
Стану настоящим.*

P/S На одном занятии Перлз предложил молодой и весьма хрупкой на вид пациентке дать выход ее агрессии: " Вместо того, чтобы душить все в себе, попробуй задушить меня". Она набросилась на него с такой силой, что Перлз чуть не лишился чувств. Перед глазами у него потемнело, и в последний момент ему удалось разжать ее пальцы. С тех пор он предлагал пациентам сжать его руку или душить диванную подушку.

*Перепечатывать только с упоминанием автора:
Галина Панц (журнал «ЛИЛИТ» 06/2001, Рига)*